УДК 821.161.1

**В. В. НАБОКОВ И И. С. ШМЕЛЕВ:
ДВЕ ГРАНИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ**

Карпов Николай Александрович,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры истории
русской литературы, Санкт-Петербургский
государственный университет (Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: shakespeare@mail.ru*

Итогом предпринятого в статье сопоставительного анализа философско-эстетических позиций В. В. Набокова и И. С. Шмелева можно считать как признание их изначально обозначенной антитетичности, так одновременно и обнаружение относительности этих полюсов, что проявляется в некоторых отмеченных в статье «уравнительных» тенденциях.

Ключевые слова: *В. В. Набоков, И. С. Шмелев, русская литература, литература русского зарубежья, философско-эстетическая позиция.*

В. В. Набоков и И. С. Шмелев – фигуры, казалось бы, находящиеся на разных эстетических и идеологических полюсах русской литературы и культуры. Традиция восприятия этих авторов как антиподов была заложена еще их современниками. Так, рецензируя очередной номер журнала «Современные записки», Георгий Адамович отмечал: «Соседство Сирина со Шмелевым в “Современных записках”, конечно, случайно. Но если бы редакция журнала пожелала, в целях разнообразия, напечатать рядом писателей, как

можно менее меж собой схожих, она лучше составить номер не могла бы. Переход от Шмелева к Сирину разительный. Все у Сирина другое: сущность, выучка, природа, устремление, приемы – решительно все»¹ [3, с. 3].

Известно, что и сами писатели, мягко говоря, не испытывали особых симпатий друг к другу – ни в творческом, ни в человеческом плане (причем первое здесь, пожалуй, предопределяло второе). О шмелевском романе «Солдаты» Набоков так писал своей матери в апреле 1930 года: «...невероятно пошло, плохо, бездарно, – Краснов плюс собственная одышка» [9, с. 571]. А почти тридцать лет спустя в письме Глебу Струве 3 июня 1959 г. Набоков также упомянет имя автора «Лета Господня» и «Путей Небесных» отнюдь не в лестном контексте: «Я был совершенно потрясен письмом Шмелева (в Мостах или в Опытах, не помню), взбешенно требующего, чтобы упомянули в газете то, что его посетил Фома Манн» [23, с. 34]. Это, впрочем, выпад в адрес не только Шмелева, но и претившего Набокову Томаса Манна. Как предположил в свое время А. А. Долинин, именно Шмелев мог являться одним из возможных прототипов карикатурного персонажа романа «Дар» писателя Ширина: «Поскольку писания Ширина носят отчетливо антизападный характер, его фамилию можно связать с патриотической концепцией русской “шири”, противопоставленной западной “узости”, – концепцией весьма популярной в правом крыле эмиграции. Среди писателей-эмигрантов славой певца “русской шири” пользовался Иван Шмелев, который, как и Ширин у Набокова, вел свою литературную генеалогию от Достоевского» [7, с. 722].

Еще сильнее «доставалось» самому Набокову от Шмелева. В письме И. А. Ильину от 18 июля 1935 года он так отзывается о молодом прозаике, с шумом ворвавшемся в русскую эмигрантскую литературу: «Сладкопевчую птичку Сирина... полячок Худо-сеич – из злости! – из желчной зависти и ненависти к “старым”, которые его не терпят, из-за своей писат<ельской> незадачливости, – превознес, а всех расхулил – “жуют-пережевывают”² <...>. Сирина еще не опробовал я [видимо, речь идет о только что вышедшем романе «Приглашение на казнь» – Н. К.], но наперед знаю его “ребус”. Не примаю никак. И протчих знаю. Не дадут ни-че-го. А С<ирин> останется со своими акробатич<ескими> упражнением»

ми и жонглерством “все в том же классе”, как бы ни лезли из кожи Х<одасевичи> и Гады. Сирин, к сожалению, ничего не дал и не даст нашей литературе, ибо наша литература акробатики не знает, а у С<ирина> только “ловкость рук” и “мускулов”, – нет не только Бога во храме, но и простой часовенки нет, не из чего поставить» [цит. по: 15, с. 81-82]. Созвучно этому мнению оказывается и высказывание Бориса Зайцева, характеризующее Набокова как безрелигиозного писателя: «У Сирина... Бога, бесспорно, нет, а пожалуй, и дьявола тоже» [11, с. 55].

Этот очевидный пафос неприятия набоковского творчества еще усиливается после прочтения Шмелевым романа «Приглашение на казнь». В следующем письме Ивану Ильину, датированном 5 августа, он не может удержаться от вызывающе резких суждений: «Отравился Сирином (58 кн. “С<овременных> З<аписок>”) “Приглашение на казнь!” Что этт-о?! Что этт-о?! Наелся тухлятины. А это... “мальчик (с бородой) ножки кривит”. Ребусит, “устрашает буржуа”, с<укин> с<ын>, ибо ни гроша за душой. Все надумывает. Это — словесн<ое> рукоблудие. (Оно и не словесное там дано) и до — простите — изображения “до-ветру”. И — кучки. Какое-то — испражнение, простите. Семилеткой был я в Москве на Новинском — в паноптикуме и видел (случайно): сидит нечто гнусно-восковое и завинчивает штопор себе в ...! — доньне отвращение живет. Вот и С<ирин> только не Ефрем и не вещая птица. Хоть и надумал себе хвамилию. Лучше был бы просто *свой* — Набоков. Весь — ломака, весь без души, весь — сноб вонький. Это позор для нас, по-зор и — похабнейший. И вот “критики”... — “самое све-же-е”! Уж на что свежей: далеко слышно. Эх, бедняжка Эммочка... не уйтить ей от... Сирина» [цит. по: 15, с. 87]. Налицо принципиальная чуждость Шмелеву образно-стилистической манеры и в целом всей эстетической системы Набокова, что не позволило писателю разглядеть за броскими формальными экспериментами философскую глубину и отчетливый гуманистический, в полном в традициях классической русской литературы, пафос «Приглашения на казнь».

Столь высокий градус взаимных неприязненных откликов, казалось бы, служит лишь подтверждением уже обозначенной антинормии. Но, с другой стороны, не исключено, что очевидный контраст как раз может свидетельствовать о некоем внутреннем сред-

стве двух художников, какой-то общей психологической природе их позиции. Полюса если чем и схожи друг с другом, то именно своей полярностью: будучи противоположны по смысловой направленности, они тождественны по интенсивности проявления, совпадают, если использовать математический термин, по «модулю числа». И если в физическом мире противоположности всегда неизбежно притягиваются, то в человеческой жизни контрастные явления тоже могут в чем-то неожиданно сближаться, обнаруживать определенное тяготение друг к другу. Поэтому, не отрицая в целом правомерности строгого противопоставления двух писателей, представляется возможным указать и на некоторые точки их потенциального соприкосновения.

Проблему «Набоков и Шмелев» сложно назвать серьезно разработанной в отечественном литературоведении. Чуть ли не единственную тщательную попытку сопоставления художественного мира этих авторов предпринял еще в 1990-е годы И. А. Есаулов в своей книге «Категория соборности в русской литературе» (глава «Поэтика литературы русского зарубежья (Шмелев и Набоков: два типа завершения традиции)») [10]. Концепция Есаулова, рассматривающая писателей в уже обозначенном ключе – как прямых антагонистов⁴ – не раз становилась предметом серьезной критики, главным образом, со стороны набоковедов. Стоит признать, что в ряде случаев исследователь действительно мыслит несколько упрощенно – например, прямо отождествляя мировосприятие таких персонажей, как Ганин («Машенька» (1926)) или Лужин («Защита Лужина» (1929)) с философско-эстетической позицией самого Набокова.

Малоубедительной выглядит и выстраиваемая оппозиция «золотого» и «серебряного века» русской литературы: «<...> в поэтике Набокова, – утверждает Есаулов, – можно усмотреть <...> своего рода финальное завершение традиций русского “серебряного века”, – точно так же, как поэтика позднего Шмелева по-своему завершает “золотой век” русской литературы» [10, с. 263]. Совершенно очевидно, что «серебряный» и «золотой» «века» являют собой органически связанные друг с другом этапы развития русской культуры и уже поэтому не могут строго противопоставляться. К тому же понимание века «золотого» как репрезентанта православного

соборного мировоззрения, а «серебряного» как выразителя богосборческих романτικο-индивидуалистических настроений (что следует из логики Есаулова) оказывается не только предельно схематичным, но и в корне ошибочным: ведь доминирующим литературным направлением первой половины XIX в. был именно романтизм с его культом «Я». Особенно показательна в этом плане фигура Лермонтова, да и в творчестве Пушкина (причем не только романтического, но и позднего периода) немало открыто индивидуалистических деклараций, к чему еще вернемся. В свою очередь, «серебряный век» протекал под знаком не только крайнего эгоцентризма декадентов, но и соборных устремлений младших символистов (что отмечено – правда, с позиций полемики – и самим И. Есауловым [10, с. 277–278]), именно этот период засвидетельствовал расцвет русской религиозной философии. Таким образом, разные мировоззренческие и аксиологические векторы не сменяют друг друга в истории русской культуры и словесности Нового Времени, а на каждом культурно-историческом этапе сосуществуют синхронно. Более того, разнонаправленные тенденции вполне могут уживаться в творчестве отдельных писателей.

В то же время, несмотря на сомнительность некоторых выводов, отдельные положения рассматриваемой работы кажутся сформулированными достаточно точно, сохраняя свою научную значимость и по сей день. Отталкиваясь именно от рассуждений И. Есаулова, попытаемся по возможности привнести что-то новое в рассмотрение обозначенной проблематики.

Наверное, следует полностью согласиться с исследователем в том, что разительное различие в эстетике Набокова и Шмелева обусловлено именно различием в мировосприятии писателей: шмелевское «традиционалистское мироощущение, стоящее за фразой “Так уж устроилось”, противопоставит набоковскому пафосу эстетического вторжения в мир и эстетического же соревнования с его Создателем» [10, с. 254]. Геоцентрическое мировосприятие Шмелева основано на стремлении человека слиться с Богом, полностью раствориться в нем, Бог для него – это «путь и истина и жизнь» (Ин 14:6). С другой стороны, набоковский мир, при всем его неповторимом обаянии и богатстве, в самом деле может ощущаться читателем как слишком выпукло сконструированный, «сделанный»

– возможно, потому, что согласно эстетическим принципам художника, он осознается как порождение воли не Бога-Отца, давшего бытие всему существу, а всемогущего Автора-демиурга, с Богом соперничающего или «сотрудничающего» (что по сути есть то же соперничество). В интервью О. Тоффлеру Набоков заявлял: «Настоящий художник должен внимательно изучать творчество соперников, включая Всевышнего. Он должен обладать врожденной способностью не только вновь перемешивать части данного мира, но и вновь создавать его» [21, с. 142].

Что интересно, манифестирование подобной демиургической (романтико-модернистской по своему генезису) эстетики как некой визитной карточки писателя стало уже чуть ли не общим местом набоковедения [см. напр.: 4, с. 27, 276; 5, с. 319–320 и др.]. Даже в замечательных лекциях А. А. Долинина, размещенных на известной образовательной платформе «Арзамас», присутствует раздел под названием «Чем Набоков похож на Бога»⁵. Как бы заманчиво ни выглядели такого рода формулировки самого Набокова и его исследователей, по сути они представляют собой метафоры, оформляющиеся в сугубо эстетической плоскости; да и с этой точки зрения претензии автора на «всемогущество» в своем художественном мире могут быть поставлены под сомнение, о чем, например, свидетельствуют разнообразные психологические теории творчества, начиная с психоанализа. Конечно, можно представлять себя «равным» или «подобным» Богу с позиций не только лишь эстетики, но и, к примеру, антропоцентрической философии, однако считать Набокова чистым антропоцентристом тоже будет не совсем верно: несмотря на сильное влияние на писателя либеральной идеологии с ее культом личной свободы, центром Вселенной человека он никогда не считал. И если возвращаться к мнению о полностью секулярном характере творчества писателя, сформированном еще современниками Сирина (см. прим. 7), то оно, вне всяких сомнений, должно быть пересмотрено. Несмотря на немалое количество, казалось бы, откровенно антирелигиозных деклараций Набокова – например, в стихотворении «Слава» (1942), своеобразном *Credo* автора, он аттестует себя как «безбожника с вольной душой»⁶ – суть его мировоззрения имеет, что уже вполне ясно, религиозную природу. Более того, наличие серьезных религиозно-философских

подтекстов набоковских произведений сегодня признано чуть ли не повсеместно, этой тематике посвящен ряд крупных монографических исследований и, наверное, несколько десятков статей. Концепт Бога, безусловно, существует в набоковской метафизике, но представляет собой загадку, своего рода неразрешимую проблему⁷. Конечно, вряд ли стоит оспаривать тот факт, что Набоков весьма далеко отстоит от канонической православной традиции, в то же время его философию можно охарактеризовать как философию неортодоксальной религиозности, учитывающей опыт множества философско-религиозных систем, начиная от гностицизма и герметизма и заканчивая экзистенциализмом Н. Бердяева и Л. Шестова⁸.

Таким образом, водораздел между Шмелевым и Набоковым проходит не по линии «религиозное»/ «безрелигиозное», «христианское»/ «антихристианское», как полагает И. Есаулов, а основывается на антитезе «религиозность каноническая»/ «неканоническая», то есть не связанная с какой-либо одной конфессиональной традицией. При этом утверждать, что один из этих видов религиозного мироощущения подлиннее и «правильнее» другого (придавая выстраиваемой оппозиции оценочный характер), было бы заведомо неверно. Можно предположить, что Шмелев с одной стороны и Набоков с другой намечают как бы два крайних полюса отечественного религиозного мирознания и культуры, между которыми располагаются все остальные проявления русской религиозности – от верной духу православия философии позднего Гоголя, Достоевского и Лескова до богоискательских тенденций и еретических учений во всем их спектре.

Представление о беспредельности набоковского индивидуализма также, что очевидно, нуждается в переосмыслении. Еще во второй половине 1990-х годов один из флагманов набоковедения в России Б.В. Аверин уловил присутствие категории соборности в финале «Лолиты»: «<...> испытывая восторг и ужас, Гумберт слышит “мелодическое сочетание”, “воздушное трепетание сборных звуков” и “дивную мелодию в мреющем сливании голосов” (285). Видение или ясновидение Гумберта может быть объяснено с точки зрения категории соборности, или “прозрачности” Вяч. Иванова, или с точки зрения теории “двух бездн”

Мережковского» [1, с. 867]. Эти идеи Аверина нашли дальнейшее развитие и в других работах – например, в интересной статье В. Г. Шмыровой, отмечающей в связи с важным в «Лолите» мотивом хора «последовательное проведение идеи соборности и обособления» [31, с. 180], которые отсылают к философии русского символизма. Иногда исследователями предпринимаются даже прямые попытки увязать набоковскую эстетику именно с идеями православной соборности [см. напр.: 17]. Возможно, они выглядят слишком смелыми, но само их появление, думается, не случайно.

Обращение же к наследию Шмелева выявляет, что, несмотря на главенствующую для него идею соборного постижения мира, писатель *никогда не умалял и тем более не отрицал роли и значения человеческой индивидуальности, личности. Именно самоценная человеческая личность, по мысли Шмелева, и обеспечивает культурное развитие и преемственность, а исчезновение личности, отсутствие уважения к ней, в свою очередь, неизбежно ведет к распаду социума и культуры. В письме И. А. Ильину от 20 июня 1932 г., размышляя о социальной ситуации в современной Европе, автор с тревогой отмечает: «Так жить мир не может, балансируя в неизвестном. Близится схватка смертная между двумя крайними социальными напряжениями. А демократия – без личности – конечно, вдребезги разбилась. Личность пропала из мира, и пропали “властвующие” прежнего, “европейского” калибра. Остались – явились! новые, умеющие брать власть: коммунисты и – националисты» [14, с. 279–280]. И даже понятие «индивидуализм», что интересно, получает в этом письме сугубо положительные коннотации: «Идет казарма, со всех концов. Панихида индивидуализму. Наш век закончился» [14, с. 280]. Если индивидуализм в системе ценностей Шмелева и не является безусловным благом, то очевидным образом стоит выше коллективизма, идеологии «казармы». Стоит вспомнить, что и начинал художник свой творческий путь именно с таких повестей гуманистического характера, как «Человек из ресторана» (1911), где утверждалось «самостоянье» «маленького человека». Что же касается проблемы литературных ориентаций и влияний, то исследования последнего времени подчеркивают воздействие на писателя не только классической традиции «золотого» XIX века, но и фило-*

софско-эстетических исканий века серебряного, например, идей Вл. Соловьева [см., напр.: 6]. Все эти наблюдения подводят нас к выводу о том, что эстетико-философские полюса, фиксируемые феноменами Набокова с одной стороны и Шмелева с другой, не настолько далеко отстоят друг от друга, как это может показаться поначалу.

Еще один признак, позволивший И. Есаулову строго противопоставить Набокова и Шмелева – это конструирование в мире этих художников взаимоотношений между «Я» (автора или главного героя) и «другими»: «Мир других у Набокова – это не христианский мир *ближних*, но <...> мир *соперников*, мир победителей и побежденных, не имеющий никакой высшей сверхличной тайны». И далее: «“Тайну”, “непрозрачность” может иметь лишь сам герой, но не оппонирующий ему Другой» [10, с. 256, 257], – замечает исследователь, трактуя набоковское мировосприятие в духе известной формулировки Ж.-П. Сартра «Ад – это другие». Отчасти подобная позиция снова может показаться спорной. Если в отношении литературы XX столетия и допустимо использовать такие формулы, как «положительный» и «отрицательный» герой, то положительные или, скорее, любимые герои Набокова (ибо характер отношения этого писателя к собственным персонажам всегда очевиден) стремятся отнюдь не противопоставить себя миру, воображая его объектом собственной самоценной игры, а наоборот, слиться с ним, ощутив свое единство с Мирозданием. Одно (и далеко не единственное) из таких проникновенных ощущений описано в рассказе «Благость» (1930): «Тогда я почувствовал нежность мира, глубокую благость всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим, – и понял, что радость, которую я искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня повсюду, в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем. Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благостное волнение, подарок, не оцененный нами» [22, т. 1, с. 113–144]. В противоположность этому светлому чувству единства с Бытием, беспредельный эгоцентризм, стремление навязать миру свою волю, перекроив его по лекалам собственного сознания, присущи героям, которые автору явно несимпатичны – например, Герману («Отчаяние» (1934)) или Гумберту

Гумберту («Лолита» (1955)). Как справедливо отмечает А. А. Долинин, Набоков на протяжении всей своей жизни «последовательно подвергал жесткой критике <...> тип “романтического”, жизнестроительного солипсизма» [8, с. 294].

Однако, если принять за основу систему не вертикальных, а горизонтальных координат человеческой жизни, ведя речь о связи индивида не с метафизическими основами Бытия, а именно с «ближними своими», теми самыми «другими», то не согласиться с И. Есауловым будет сложно: между «Я» и «Другим» в набоковском мире обнаруживается если не пропасть, то весьма ощутимый разрыв, ибо сам этот мир за редким исключением не диалогичен, а сугубо монологичен. Круг единомышленников главного героя у Набокова всегда предельно узок, немногим уготовано оказаться с ним на одной интеллектуальной и нравственной высоте, большинство же остальных почти непременно оказываются воплощением обывательской пошлости. Действительно, галереи откровенных пошляков, личностей в умственном и моральном плане абсолютно убогих в текстах писателя гораздо многочисленнее, чем ряды героев, автору близких – таковы практически все окружение Цинцината Ц. в «Приглашении на казнь» (1935–1936), немалое количество подчеркнуто карикатурных образов в «Даре» (1937–1938); особенно колоритны отталкивающие фигуры в «немецких» романах – Марта и Франц из «Короля, дамы, валета» (1928), Магда и Горн из «Камеры обскура» (1933), Герман и Феликс из «Отчаяния»... В самом деле, возникает впечатление, что «другие» всегда подвергаются как в художественных произведениях Набокова, так и в его критических отзывах и эпистолярных высказываниях самым жестким и нелицеприятным оценкам. Автора «Лолиты», конечно, сложно считать сатириком в точном смысле слова, тем не менее пародийно-сатирическая струя сильно ощущается во всем его творчестве.

Однако не находим ли мы в чем-то сходного, своего рода избирательного отношения к человеку и в мире Шмелева? Соглашаясь с тем, что автор «Лета Господня» всегда открыт к изображению сознания «Другого» («опора на Другого вообще, может быть, наиболее характерная особенность шмелевского видения мира» [10, с. 255]), стоит отметить, что этот «Другой» непременно должен раз-

делять авторские ценности. Мир Шмелева и выглядит в большей степени человеческим именно потому, что писатель намеренно выбирает объектом изображения людей духовно близких, остальные ему просто неинтересны. «Универсальный гений Пушкина позволял ему с орлиной высоты видеть весь мир. <...> Талант Шмелева <...> – в отборе лиц и явлений. Писатель описывает только “родных” по духу, только “своих”, “домашних”» [18, с. 523], - отмечает в этой связи В. И. Мельник. Его «Другой» – как правило, «свой»; градус же неприятия «чужого Другого», т.е. не близкого авторскому мироощущению, был у Шмелева достаточно высок, что отражалось и в личном писательском поведении, и в плоскости художественного творчества.

Из сказанного можно заключить, что граница между «Я» и «Другим» ощутима и у Набокова, у и Шмелева. Но пролегает она снова по разным линиям, устанавливается в соответствии с различными критериями. Главные враги Набокова – пошлость и бездарность, то есть понятия, скорее, эстетического, нежели этического свойства; и само шмелевское творчество отвергается Набоковым именно как воплощение безвкусицы и пошлости. Шмелев же в своей оценке человека и бытия в целом руководствуется категориями не эстетического, а исключительно нравственно-этического порядка. Эстетическое отношение к миру у Шмелева тоже присутствует, но на первом плане у него вовсе не эстетика, не любование самоценной красотой: «Коснулся души Господь – и убогие стены тесны. Я хочу быть под небом – пусть не видно его за тучами. Ближе к Нему хочу... чуют в ветре Его дыхание, во тьме – Его свет увидеть» [30, т. 1, с. 610] («Солнце мертвых» (1923)). И не принимается писателем именно человек, не знающий Бога, отпавший от него. Вот известный эпизод с «охальниками» из повести «Богомолье» (1931):

«На берегу, в сторонке, сидят двое, в ситцевых рубахах, пьют из бутылки и закусывают зеленым луком. Это, я знаю, *плохие люди* (курсив мой. – Н. К.). Когда мы глядели парня, они кричали:

– Он вот водочки вечером хватит на пятаки-то ваши... сразу исцелится, разделает комаря... таких тут много!

Горкин плюнул на них и крикнул, что нехорошо так охальничать, тут горе человеческое. А они все смеялись» [30, т. 4, с. 432].

Вместе с тем у Шмелева обнаруживается и иной тип отношения к оступившемуся человеку:

«Так мне легко и светло на душе, что у меня наплывают слезы, покальвает в носу от радости, и я обещаюсь Горкину никогда больше не согрешать. Тогда ничего не страшно. Много мы говорим-гадаем... И вдруг, подходит Гриша и говорит, оглядывая мой костюмчик: “матрос... в штаны натрес!” Сразу нас – как ошпарило. Я хотел крикнуть ему одно словечко, да удержался – вспомнил, что это мне искушение, от т о г о. И говорю ласково, разумно, – Горкин потом хвалил:

– Нехорошо, Гриша, так говорить ... лучше ты поговей, и у тебя будет весело на душе.

Он смотрит на меня как-то странно, мотает головой и уходит, что-то задумчивый. Горкин обнял меня и поцеловал в маковку, – “так, говорит, и надо!” – Глядим, Гриша опять подходит... и дает мне хорошую “свинчатку” – битую, целый кон бабок можно срезать! И говорит, очень ласково:

– Это тебе от меня подарочек, будь здоров» [30, т. 4, с. 266–267] («Лето Господне» (1933–1948)).

Этой христианской надежды на духовное распрямление Набоков своим героям в самом деле не оставляет.

С другой стороны, именно выбор в качестве аксиологической основы либо эстетических, либо нравственно-этических критериев в изображении мира и человека определяет и характер положительного идеала писателей. Идеалом Набокова оказывается земной мир в его совершенной красоте, бесконечном многообразии, затейливости и непредсказуемости божественных узоров: «Лес, каким я его застал, был еще живым, богатым, полным птиц. Попадались иволги, голуби, сойки; пролетала ворона, пыхтя крыльями: хшу, хшу, хшу; красноголовый дятел стучал в сосновый ствол, – а иногда, полагаю, лишь подражал собственному стуку, и тогда выходило особенно звонко и убедительно (для самочки); ибо *ничего нет более обворожительно-божественного в природе, чем ее вспыхивающий в неожиданнейших местах остроумный обман* (курсив мой – Н. К.): так, лесной кузнечик (заводящий свой маленький мотор, все не могущий завестись: цик-цик-цик – обрывается), прыгнув и упав, сразу меняет положение тела, поворачивая его так, чтобы

направление темных полосок на нем совпадало с направлением палых иголок (и теней иголок!)» [22, т. 4, с. 505] («Дар»). Было бы неверно (как мы уже заметили) утверждать, что набоковскому миру недостает духовного измерения – «присутствие Создателя в создании» в нем ощущается всегда, – но сам этот Создатель мыслится писателем, скорее, как изощренный художник, эстет-интеллектуал, загадывающий человеческому роду увлекательные ребусы и шарлады, порой заманивающий разного рода «обманками», нежели как дух высшей любви и благодати, что и происходит во вселенной Шмелева: «Прошел по земле Господь и благословил, и будет лето благоприятное. Березка у кивота едва видна, ветки ее поникли. И надо мной березка, шуршит листочками. Святые они, Божьи. Прошел по земле Господь и благословил их и все. Всю землю благословил, и вот – благодать Господня шумит за окнами» [30, т. 4, с. 88] («Лето Господне»). В то же время порой создается ощущение, что полный благодати Божий мир не захватывает у Шмелева все человеческое бытие целиком, а весьма строго очерчивает свои границы (упрек, часто предьявлявшийся писателю [см., напр.: 2]), он замкнут, даже, возможно, герметичен.

Итогом предпринятого сопоставительного анализа философско-эстетических позиций двух писателей можно считать как признание их изначально обозначенной антитетичности, так одновременно и обнаружение относительности этих полюсов, что проявляется в некоторых отмеченных нами «уравнительных» тенденциях.

В общей же культурологической перспективе оказывается, что столь различные философско-идеологические установки, как субъективно-индивидуалистическое и соборное отношение к миру, укорененность в ортодоксальной религиозной традиции и равнодушие к ней, оценка жизни преимущественно с эстетических или же с морально-этических позиций – все это в равной мере присуще русской классической литературе и культуре и отражает разные грани национального сознания. Случаев, когда эти грани сопрягались бы в рамках одного писательского пути, практически нет, но все же одно счастливое исключение, очевидно, существует. Мысль о Пушкине как о великом синтетическом художнике далеко не нова. В национальном аспекте ее выразил Достоевский, отметив «всемирную отзывчивость» автора «Евгения Онегина» и «Медного всадни-

ка»; а о Пушкине как о гении, интуитивно синтезировавшем противоположные системы мироотношения, говорили символисты [см., напр.: 19, с. 263–264]. Пожалуй, лишь в пушкинском космосе частные, субъективные человеческие ценности⁹ находятся на равных правах с ценностями внеличными, не противопоставляясь им. И именно Пушкин по сути и легитимировал «соборное» и «индивидуальное» начала как две неотъемлемые составляющие отечественной культуры.

Примечания

1. Ср. далее: «<...> [у Сирина – *Н. К.*] каждая страница полновесна, в каждой странице есть или безошибочно меткий эпитет, или острое наблюдение. От шмелевской размашистости все это очень далеко. Но Шмелеву прощаешь его “изваяния”, а вот Сирина, когда он вместо “проиграл партию” пишет вдруг: “Богиня Каисса на этот раз не улыбнулась ему”, – Сирина эту “художественность” простить трудно» [3, с. 3].

2. Очевидно, Шмелев имеет в виду обзор 58-й книги «Современных записок», опубликованный Ходасевичем в газете «Возрождение» 11 июля 1935 г. (т.е. за неделю до цитируемого письма Ильину): «<...> она [новая книжка «Современных записок». – *Н. К.*] свидетельствует и о жизненной силе нашей словесности, которая, очевидно, может не только вспоминать, доживать век и что-то дожевывать (курсив мой. – *Н. К.*), но и создавать новое» [29, с. 3].

3. Часто эти слова приводятся в «передаче» Г. П. Струве: «Сирин писатель, у которого нет Бога, а может быть, и дьявола» [27, с. 257]. Подобные суждения вписываются в более общее русло характерных упреков в «нерусскости», часто адресовавшихся Набокову-Сирина современниками. Так, М. Осоргин характеризовал Сирина как писателя, «совершенно оторванного от живых российских вопросов и интересов» и «стоящего вне прямых влияний русской классической литературы», а его произведения как оставляющие «холодный блеск – не в русском духе» [24, с. 240].

4. Одна из редких попыток не противопоставить двух писателей, а рассмотреть их в общем контексте предпринята О. И. Федотовым. [см.: 28].

5. Ср.: «<...> Бог оказывается соперником (или товарищем) ху-

дожника, потому что он тоже творит свои миры. Художник должен изучать мир, созданный Всевышним, и перерабатывать его, перестраивать, брать некоторые элементы из этого мира и, комбинируя, складывать из них (примерно как ребенок строит замок из кубиков) совершенно новый, особый, небывалый, индивидуальный мир. Вся набоковская поэтика строится исходя из этой установки» [20], – говорит А. А. Долинин.

6. И. Золотусский, однако, подметил, что это уже отчасти оксюморон – откуда у безбожника «душа»? [см.: 13, с. 185].

7. Ср., напр.: «Для Набокова бытие Божие и бессмертие – самоочевидны. Единение с Богом – это “тайна”, но уже ставшая частью души» [12, с. 29]; об особой религиозности Набокова писали Б. Аверин, В. Александров, О. Дмитриенко, А. Казин, А. Мазур, В. Паршин, О. Федотов и др.

8. А. Л. Казин называет творчество Набокова «постмодернистской версией православной русской культуры» [16].

9. Ср.: «Никому/ Отчета не давать, себе лишь одному / Служить и угождать» («Из Пиндемонти», 1836) [26, с. 420], – это может показаться чуть ли не проповедью эгоизма, хотя, как справедливо отмечает Г. Померанц, «индивидуализм Пушкина, его чувство собственного достоинства и правоты собственного суда <...> ближе к индивидуализму Возрождения <...>, чем к эгоизму Байрона, олимпийству Гете, эгоизму Стендаля и т. п.» [25, с. 30].

Список использованных источников

1. Аверин, Б. В. Набоков и набоковиана / Б. В. Аверин // В. В. Набоков: pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; комментарии Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. – СПб.: РХГИ, 1997. – [Т. 1]. – С. 851–867.

2. Адамович, Г. В. Шмелев / Г. В. Адамович // Адамович, Г. В. Одиночество и свобода. – СПб.: Алетей, 2002. – С. 64–71.

3. Адамович, Г. Современные записки. Кн. 41-я. Часть литературная / Г. Адамович // Последние новости. – 1930. – 13 февраля. – № 3249. – С. 3.

4. Александров, В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / В. Е. Александров; пер. с англ. Н. А. Анастасье-

ва; под ред. Б. В. Аверина и Т. Ю. Смирновой. – СПб.: Алетейя, 1999. – 312, [1] с.

5. Давыдов, С. Набоков: герой, автор, текст / С. Давыдов // В. В. Набоков: pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; комментарии Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. – СПб.: РХГИ, 2001. – [Т. 2]. – С. 315–327.

6. Дзыга, Я. О. Творчество И. С. Шмелева в контексте традиций русской литературы: дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01 / Я. О. Дзыга. – М., 2013. – 445 с.

7. Долинин, А. Три заметки о романе «Дар» / А. Долинин // В. В. Набоков: pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; комментарии Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. – СПб.: РХГИ, 1997. – [Т. 1]. – С. 697–740

8. Долинин, А. А. «Двойное время» у Набокова (От «Дара» к «Лолите») / А. А. Долинин // Пути иmiraжи русской культуры. – СПб.: Северо-запад, 1994. – С. 283–322.

9. Долинин, А. А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар» / А. А. Долинин. – М.: Новое издательство, 2019. – 648 с.

10. Есаулов И. А. Поэтика литературы русского зарубежья (Шмелев и Набоков: два типа завершения традиции) / И. А. Есаулов // Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1995. – С. 238–266.

11. Зайцев, Б. К. «Памяти твоей» Георгия Пескова // Зайцев, Б. К. Дневник писателя / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. – М.; Берлин: Русский путь, 2017. – С. 98–101.

12. Злочевская, А. В. Художественный мир В. Набокова и русская литература XIX в.: генетические связи, типологические параллели и оппозиции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук (10.01.01) / А. В. Злочевская. – М., 2002. – 48 с.

13. Золотусский, И. Путешествие к Набокову: Из дневника одной телевизионной поездки / И. Золотусский // Новый мир. – 1996. – № 12. – С. 185–197.

14. Ильин, И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: в 3 кн. / И. А. Ильин, И. С. Шмелев; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелева О. В. Лисицы. –

М.: Русская книга, 2000. – Доп. т. к собр. соч.: в 10 т. [Доп. Т. 3], кн. 1: 1927–1934. – 560 с.

15. Ильин, И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: в 3 кн. / И. А. Ильин, И. С. Шмелев; сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелева О. В. Лисицы. – Москва: Русская книга, 2000. – Доп. т. к собр. соч.: в 10 т. [Доп. Т. 4], кн. 2: 1935–1946. – 576 с.

16. Казин, А. Л. В. В. Набоков: эпилог русского модерна / А. Л. Казин. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/kazin_a_l/text_0160-1.shtml (дата обращения 07.10.2019).

17. Квирикадзе, Н. Г. Русская языковая личность в американской среде в романе Владимира Набокова «Пнин» // Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 333–340.

18. Мельник, В. И. Послесловие / В. И. Мельник // Шмелев, И. С. Солнце живых. – М.: Дарь, 2013. – С. 521–525.

19. Мережковский, Д. С. Пушкин / Д. С. Мережковский // Мережковский, Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подгот. Е. А. Андрущенко. – СПб.: Наука, 2007. – С. 229–297.

20. Мир Владимира Набокова. Лекции Александра Долинина об авторе «Лолиты» и «Дара» – к 120-летию писателя: аудиолекции: Аудиолекция 1. Как устроены тексты Набокова: Чем Набоков похож на Бога и в какие игры он любит играть. Расшифровка: Содержание первой лекции из курса Александра Долинина «Мир Владимира Набокова» // Arzamas. – Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/1615> (дата обращения 07.10.2019).

21. Набоков, В. Интервью разных лет / В. Набоков // Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / сост., предисл., коммент., подбор иллюстраций Н. Г. Мельникова. – М.: Независимая Газета. – 2002. – С. 51–424.

22. Набоков, В. В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. / В. В. Набоков. – СПб.: Симпозиум, 1999–2000.

23. Набоков, Владимир. Письма к Глебу Струве / Владимир Набоков; публ. Е. Б. Белодубровского // Звезда. – 1999. – № 4. – С.

23–39.

24. Осоргин, М. В. Сирин. «Камера обскура», роман [Рец.] / М. В. Осоргин // В. В. Набоков: pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; комментарии Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. – СПб.: РХГИ, 1997. – [Т. 1]. – С. 240–242.

25. Померанц, Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским / Г. С. Померанц. – М.: Советский писатель, 1990. – 384 с.

26. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки / ред. С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, А. Л. Слонимский, М. А. Цявловский; общ. ред. М. А. Цявловский. – 1948. – 635 с.

27. Струве, Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Г. П. Струве. – Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1956. – 414 с.

28. Федотов, О. И. Православная Пасха на Родине и на чужбине / О. И. Федотов // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 149–158.

29. Ходасевич, Вл. Книги и люди. «Современные записки», кн. 58-ая / Вл. Ходасевич // Возрождение. – 1935. – 11 июля. – № 3690. – С. 3.

30. Шмелев, И. С. Собр. соч.: в 5 т. (доп. 6–8) / И. С. Шмелев; сост. Е. А. Осьминина. – М.: Русская книга, 1998–2000.

31. Шмырова, В. Г. Трансформация мифа в романе В. Набокова «Лолита» (1955) / В. Г. Шмырова // Русская литература. Исследования. – 2010. – Вып. 14. – С. 173–182.

V. V. NABOKOV AND I. S. SHMELEV:
TWO FACETS OF NATIONAL CONSCIOUSNESS

Karpov Nikolay Alexandrovich,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of the History of Russian Literature, St. Petersburg
State University, (St. Petersburg, Russia),
e-mail: shakespirr@mail.ru*

The result of a comparative analysis of the philosophical and aesthetic positions of V.V. Nabokov and I. S. Shmelev undertaken in the article can be considered as recognition of their initially designated antitetism, as well as the discovery of the relativity of these poles, which is manifested in some of the “leveling” trends noted in the article.

Keywords: *V. V. Nabokov, I. S. Shmelev, Russian literature, literature of the Russian foreign countries, philosophical and aesthetic position.*

References

1. Averin, B. V. Nabokov i nabokoviana [Nabokov and Nabokovian] / B. V. Averin // V. V. Nabokov: pro et contra / sost. B. Averina, M. Malikovoy, A. Dolinina; kommentarii Ye. Belodubrovskogo, G. Levintona, M. Malikovoy, V. Novikova; bibliogr. M. Malikovoy. – SPb.: RKHGI, 1997. – [T. 1]. – P. 851–867.
2. Adamovich, G. V. Shmelev [Shmelev] / G. V. Adamovich // Adamovich, G. V. Odinochestvo i svoboda. – SPb.: Aleteyya, 2002. – P. 64–71.
3. Adamovich, G. Sovremennyye zapiski. Kn. 41-ya. Chast' literaturnaya [Modern notes. Prince 41st. Part literary] / G. Adamovich // Posledniye novosti. – 1930. – 13 fevralya. – № 3249. – P. 3.
4. Aleksandrov, V. Ye. Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika [Nabokov and otherworldliness: metaphysics, ethics, aesthetics] / V. Ye. Aleksandrov; per. s angl. N. A. Anastas'yeva; pod red. B. V. Averina i T. YU. Smirnovoy. – SPb.: Aleteyya, 1999. – 312, [1] p.
5. Davydov, S. Nabokov: geroy, avtor, tekst [Nabokov: hero, author, text] / S. Davydov // V. V. Nabokov: pro et contra / sost. B. Averina, M. Malikovoy, A. Dolinina; kommentarii Ye. Belodubrovskogo, G. Levintona, M. Malikovoy, V. Novikova; bibliogr. M. Malikovoy. – SPb.: RKHGI, 2001. – [T. 2]. – P. 315–327.
6. Dzyga, YA. O. Tvorchestvo I. S. Shmeleva v kontekste traditsiy russkoy literatury [Creativity of I. S. Shmelev in the context of the traditions of Russian literature]: diss. ... doktora filol. nauk: 10.01.01 / YA. O. Dzyga. – M., 2013. – 445 p.
7. Dolinin, A. Tri zametki o romane “Dar” [Three notes on the novel “Gift”] / A. Dolinin // V. V. Nabokov: pro et contra / sost. B. Averina, M. Malikovoy, A. Dolinina; kommentarii Ye. Belodubrovskogo, G. Levintona,

M. Malikovoy, V. Novikova; bibliogr. M. Malikovoy. – SPb.: RKHGI, 1997. – [T. 1]. – P. 697–740

8. Dolinin, A. A. «Dvoynoye vremya» u Nabokova (Ot «Dara» k «Lolite») [“Double time” by Nabokov (From “Gift” to “Lolita”)] / A. A. Dolinin // Puti i mirazhi russkoy kul'tury. – SPb.: Severo-zapad, 1994. – P. 283–322.

9. Dolinin, A. A. Kommentariy k romanu Vladimira Nabokova “Dar” [Commentary on the novel by Vladimir Nabokov “Gift”] / A. A. Dolinin. – M.: Novoye izdatel'stvo, 2019. – 648 p.

10. Yesaulov, I. A. Poetika literatury russkogo zarubezh'ya (Shmelev i Nabokov: dva tipa zaversheniya traditsii) [Poetics of Russian literature abroad (Shmelev and Nabokov: two types of tradition completion)] / I. A. Yesaulov // Yesaulov, I. A. Kategoriya sobornosti v russkoy literature. Petrazavodsk: Izd-vo Petrozav. un-ta, 1995. – P. 238–266.

11. Zaytsev, B. K. “Pamyati tvoyey” Georgiya Peskova [“In your memory” George Peskov] // Zaytsev, B. K. Dnevnik pisatelya / vstup. st., podgot. teksta i komment. A. M. Lyubomudrova. – M.; Berlin: Russkiy put', 2017. – P. 98–101.

12. Zlochevskaya, A. V. Khudozhestvennyy mir V. Nabokova i russkaya literatura XIX v.: geneticheskiye svyazi, tipologicheskkiye paralleli i oppozitsii [The art world of V. Nabokov and Russian literature of the 19th century: genetic connections, typological parallels and oppositions]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk (10.01.01) / A. V. Zlochevskaya. – M., 2002. – 48 p.

13. Zolotusskiy, I. Puteshestviye k Nabokovu: Iz dnevnika odnoy televizionnoy poyezdki [Journey to Nabokov: From the diary of a television trip] / I. Zolotusskiy // Novyy mir. – 1996. – № 12. – P. 185–197.

14. Il'in, I. A. Sobraniye sochineniy: Perepiska dvukh Ivanov: v 3 kn. [Collected Works: Correspondence of two Ivanov: in 3 books] / I. A. Il'in, I. S. Shmelev; sost. i komment. Yu. T. Lisitsy; rasshifr. i tekstol. podgot. pisem I. S. Shmeleva O. V. Lisitsy. – M.: Russkaya kniga, 2000. – Dop. t. k sobr. soch.: v 10 t. [Dop. T. 3], kn. 1: 1927–1934. – 560 p.

15. Il'in, I. A. Sobraniye sochineniy: Perepiska dvukh Ivanov: v 3 kn. [Collected Works: Correspondence of two Ivanov: in 3 books] / I. A. Il'in, I. S. Shmelev; sost. i komment. Yu. T. Lisitsy; rasshifr. i tekstol. podgot. pisem I. S. Shmeleva O. V. Lisitsy. – M.: Russkaya kniga, 2000. – Dop. t. k sobr. soch.: v 10 t. [Dop. T. 4], kn. 2: 1935–1946. – 576 p.

16. Kazin, A. L. V. V. Nabokov: epilog russkogo moderna [V. V. Nabokov: the epilogue of Russian Art Nouveau] / A. L. Kazin. – Rezhim dostupa: http://lit.lib.ru/k/kazin_a_l/text_0160-1.shtml (data obrashcheniya 07.10.2019).

17. Kvirikadze, N. G. Russkaya yazykovaya lichnost' v amerikanskoj srede v romane Vladimira Nabokova "Pnin" [Russian language personality in the American environment in the novel by Vladimir Nabokov "Pnin"] // Pushkinskiye chteniya-2015. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy KHKH mezhdunar. nauch. konf. / pod obshch. red. V. N. Skvortsova; otv. red. T. V. Mal'tseva. – SPb.: LGU im. A. S. Pushkina, 2015. – P. 333–340.

18. Mel'nik, V. I. Poslesloviye [Afterword] / V. I. Mel'nik // Shmelev, I. S. Solntse zhivikh. – M.: Dar", 2013. – P. 521–525.

19. Merezhkovskiy, D. S. Pushkin [Pushkin] / D. S. Merezhkovskiy // Merezhkovskiy, D. S. Vechnyye sputniki. Portrety iz vseмирnoy literatury [Eternal satellites. Portraits from World Literature] / izd. podgot. Ye. A. Andrushchenko. – SPb.: Nauka, 2007. – P. 229–297.

20. Mir Vladimira Nabokova. Lektsii Aleksandra Dolinina ob avtore "Lolity" i "Dara" – k 120-letiyu pisatelya: audioleksiya: Audioleksiya 1. Kak ustroyeny teksty Nabokova: Chem Nabokov pokhozh na Boga i v kakiye igry on lyubit igrat'. Rasshifrovka: Soderzhaniye pervoy lektsii iz kursa Aleksandra Dolinina "Mir Vladimira Nabokova" [The world of Vladimir Nabokov. Lectures by Alexander Dolinin on the author of "Lolita" and "The Gift" - on the 120th anniversary of the writer: audio lectures: Audio lecture 1. How Nabokov's texts are structured: How does Nabokov look like God and what games he likes to play. Decoding: Contents of the first lecture from the course of Alexander Dolinin "The World of Vladimir Nabokov"] // Arzamas. – Rezhim dostupa: <https://arzamas.academy/materials/1615> (data obrashcheniya 07.10.2019).

21. Nabokov, V. Interv'yu raznykh let [Interviews of different years] / V. Nabokov // Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'yu, retsenzii, esse / sost., predisl., komment., podbor illyustratsiy N. G. Mel'nikova. – M.: Nezavisimaya Gazeta. – 2002. – P. 51–424.

22. Nabokov, V. V. Sobr. soch. russkogo perioda: v 5 t. [Sobr. Op. Russian period: in 5 volumes] / V. V. Nabokov. – SPb.: Simpozium, 1999–2000.

23. Nabokov, Vladimir. Pis'ma k Glebu Struve [Letters to Gleb Struve] / Vladimir Nabokov; publ. Ye. B. Belodubrovskogo // Zvezda. – 1999. – № 4. – P. 23–39.

24. Osorgin, M. V. Sirin. «Kamera obskura», roman [Rets.] [Sirin. “Obscure Chamber”, novel] / M. V. Osorgin // V. V. Nabokov: pro et contra / sost. B. Averina, M. Malikovoy, A. Dolinina; kommentarii Ye. Belodubrovskogo, G. Levintona, M. Malikovoy, V. Novikova; bibliogr. M. Malikovoy. – SPb.: RKHGI, 1997. – [T. 1]. – P. 240–242.

25. Pomerants, G. S. Otkrytost' bezdne: Vstrechi s Dostoyevskim [Openness to the Abyss: Meetings with Dostoevsky] / G. S. Pomerants. – M.: Sovetskii pisatel', 1990. – 384 p.

26. Pushkin, A. S. Polnoye sobraniye sochineniy, 1837–1937: V 16 t. [Complete Works, 1837–1937: In 16 vols.] / A. S. Pushkin. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. – T. 3, kn. 1. Stikhotvoreniya, 1826–1836. Skazki [Poems, 1826–1836. Tales] / red. S. M. Bondi, T. G. Zenger, N. V. Izmaylov, A. L. Slonimskiy, M. A. Tsyavlovskiy; obshch. red. M. A. Tsyavlovskiy. – 1948. – 635 p.

27. Struve, G. P. Russkaya literatura v izgnanii: Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoy literatury [Russian literature in exile: An experience in the historical review of foreign literature] / G. P. Struve. – N'yu-York: Izd. imeni Chekhova, 1956. – 414 p.

28. Fedotov, O. I. Pravoslavnaya Paskha na Rodine i na chuzhbine [Orthodox Easter in the homeland and in a foreign land] / O. I. Fedotov // Religiovedeniye. – 2013. – № 1. – P. 149–158.

29. Khodasevich, Vl. Knigi i lyudi. «Sovremennyye zapiski», kn. 58-aya [Books and people. “Modern Notes”, book. 58th] / Vl. Khodasevich // Vozrozhdeniye. – 1935. – 11 iyulya. – № 3690. – P. 3.

30. Shmelev, I. S. Sobr. soch.: v 5 t. (dop. 6–8) [Collected Works: in 5 volumes (add. 6–8)] / I. S. Shmelev; sost. Ye. A. Os'minina. – M.: Russkaya kniga, 1998–2000.

31. Shmyrova, V. G. Transformatsiya mifa v romane V. Nabokova «Lolita» (1955) [The transformation of myth in the novel by V. Nabokov “Lolita” (1955)] / V. G. Shmyrova // Russkaya literatura. Issledovaniya. – 2010. – Vyp. 14. – P. 173–182.